Постепенно страхи уходят. Мне становится легче жить, да и сплю уже без кошмаров. В этом помог не только не оставляющий меня ночью (и не только) одной брат, но и слишком странный (на мой взгляд) переезд в другой дом. Нет, внутри он был почти идентичен прошлому, но запах свежеструганного дерева был явным, как и новизна внутренней отделки. И я даже не представляла, чем вызвано подобное, ведь старый особняк пострадал не сильно, особенно в той части, где спала я. Впрочем, отчитываться передо мной бы никто не стал, даже задай я вопрос. Зато поиск отличий от старого дома, вполне мог сойти за развлечение, ведь вместе с переездом, Итачи стал меньше времени проводить рядом, да и отец… стал мрачнее. Если раньше я просто относилась к нему с осторожностью, то теперь он даже пугал. И только отношение матери оставалось тем же.

Странно. Меня не покидало чувство подставы, но в чем она заключалась, я не знала. Просто все стали мрачнее, улыбки уже не несли той легкости. Даже Итачи смотрелся измученным, пусть и старался уделять мне время. Выходило довольно скверно, да и я… видя, как он занят (даже укачивая меня читал свитки, чего раньше не наблюдалось!), старалась вести себя еще идеальнее, чем раньше. При таком раскладе, естественно, моим первым словом стало его имя. И я даже не знаю на что рассчитывала, когда сделала именно так, ведь это не вызвало ни у кого удивления, как и обиды. Мне даже стало стыдно за свою мелочность, поэтому сразу за первым словом последовало второе — мама и последним отец. Да, именно отец, а не папа. Обращаться к нему ласково или доверительно не получалось при всем желании. Слишком гнетущее чувство вызывал, да и носить меня на руках перестал вовсе. Если раньше еще мог немного потетешкаться или прогуляться со мной на руках по территории сада, то теперь постепенно будто переставал меня видеть. С одной стороны я была не против, а с другой… такая перемена пугала. Он даже, когда я его отцом назвала не улыбнулся! Хотя, это могло быть нормой, ведь мне не так много известно про нормальные семьи. Наверное, отцы так и должны себя вести?

Впрочем, помимо реакции родных на мои первые слова, у меня была и другая забота. Госпиталь. И нет, я не болела и из моей семьи тоже никто не был замечен в лежании в больнице. Просто я узнала, куда каждый день и, как я подозреваю, не один раз, ходит моя мать — Микото.

Кормление. Вот так просто. Обычное кормление грудью. Она ходила каждый раз в госпиталь, чтобы кормить грудью того маленького ребенка со светлым пушком на голове, более того, сцеживала молоко из груди для него. Мне даже было немного интересно, как при таком раскладе молока хватает и для меня, но пока я не голодала. Поэтому возмущаться даже не думала. Было у меня подозрение, что не так просто она в тот день сказала «Кушина». Если это, действительно, сын той красноволосой красавицы, мою мать можно только уважать, а мне самой ставить зарубку на памяти. Похоже, у меня в этом мире не только родной и обожаемый старший брат, но и младший — молочный.

Ха! У судьбы все же странный юмор. Моей мечтой была семья. Большая и крепкая, в которой бы меня любили. Улыбались просто из-за того, что я это я. Теперь у меня есть семья. Большая, аж два брата не считая матери и отца. Меня любят, родной брат уж точно! Мне улыбаются просто так, не все, но отец вообще отдельная категория и раньше он таким мрачным не был. Я благодарна уже за то, что он, несмотря на мрачность, никогда не срывался ни на кого в доме. И даже сейчас, уверена, он знает куда ходит его жена. Знает и поддерживает. Только полностью ли одобряет?

Сложный вопрос. Сложнее я могу назвать только один. Я, которую мать брала только из-за того, что оставить было не на кого, даже в таком состоянии ощущала чужие взгляды, пока лежала в ожидании внимания от Микото, полностью сосредоточенной на младенце! И это не считая не отводящего от нее взглядов персонала!

Стальные яйца нервы. Я бы под таким количеством взглядов, оголиться бы не посмела, не то, чтобы ласково ворковать что-то чужому ребенку. Учитывая еще и то, что батька мой тоже не был святым человеком и обо всей ситуации должен был знать, у нее не только стальные нервы, но и железная воля. Суметь выбить из мужика разрешение на подобное так, чтобы он считал данную ситуацию правильной и ни разу в моем присутствии не попрекнул ее, это надо быть героической личностью. Я почти возвела ее на пьедестал святой женщины. Хотя по очкам симпатии с Итачи ей все равно не сравниться.

Брат. Я по нему тосковала. Слишком уж резко сократилось время, которое он проводил рядом, да даже когда был… дергать его, я не решалась. Постепенно расширяющийся словарный запас помогал в понимании окружающих. Благодаря моим успехам, меня стали активнее обучать словам. Естественно, тараторить, как пулемет у меня не получалось, но вот чужие разговоры я худо-бедно начала понимать и даже их поддерживать через год после своего рождения. Примерно в это же время закончились посещения блондинчика (Наруто, как называла его Микото, или демоненка, как зашипела одна из нянечек в моем присутствии, больше я ее после этого в госпитале не видела) моей матерью. Его перевели куда-то в другое место. И я видела, как тяжело Микото это далось. Мама к нему привязалась едва не больше, чем ко мне, радуясь любому успеху, и тот отвечал ей тем же. И я ее немного понимала и старалась не винить, сама зависла, когда он впервые улыбнулся на моей памяти и протянул к женщине ручки. Воистину светлый ребенок.

Должно быть мне стоило порадоваться исчезновению из моей жизни молочного брата, ведь

теперь все внимание, что уходило на него, вернулось ко мне. Будь я обычным ребенком, так бы и сделала, только вот я ничего этого не чувствовала. Внимание матери отчасти даже напрягало, будто она хотела найти во мне что-то, чего лишилась, и не могла. Заменить задорно смеющегося и тянущего к ней ручки ребенка — мне не удалось. Я по-прежнему охотнее ластилась к Итачи, проводя любую доступную секунду рядом с ним. Внимание матери частенько вызывало раздражение и желание нагрубить, что вызывало отголоски стыда, а еще, иногда в голове мелькала мысль — он тоже звал ее мама, так каково ему теперь, когда она исчезла?

Мне трудно было представить каково кому-то другому. В прошлой жизни у меня не было никого. Светлые образы матери и отца — отсутствовали. Я не хотела даже вспоминать о них или искать новых. В этой у меня было два не таких уж плохих родителя (за редкими исключениями), если подумать, но ближе всех все равно был брат. Возможно, из-за того, что в прошлой жизни его не было и данное слово не несло негативной окраски, а может из-за поведения самого Итачи. Иногда мне казалось, что не только мой мир вращался вокруг него, но и я им являлась для него.

Мысли приходили в голову и уходили. Вокруг было много интересного и блондинистый мальчонка постепенно уходил из головы. Да, где-то на задворках сознания мне было любопытно, почему родители не взяли его к себе. Я считала данный момент странным, мне его было даже жалко, но влезать во все это я не собиралась, лишь однажды спросив у матери, почему мы не ходим к Наруто. В ответ получила невразумительный лепет и почти слезы, а после пришел отец и разозлился на меня из-за этого вопроса. Больше вопрос не поднимался. Я тогда лишь чудом избежала наказания враз посмурневшего Фугаку. Нет, не удара, он никогда не поднимал ни на кого в доме руку, а именно наказания, вроде постановки в угол… на горох, к примеру. Похоже, своим вопросом я даже не разбередила рану, а вскрыла не меньше, чем старый гнойник.

Любопытство враз исчезло. Желание проверять чужие нервы на прочность сильно поблекло. Я отложила этот вопрос на потом, которое могло и не наступить. В данный момент глупо было нарываться на порку, даже не понимая чем ее заслужила. Просто появилась запретная тема, а запретный плод…

Быть Евой не хотелось, Адамом тоже, в роли Змея-искусителя я себя не видела, Каин и Авель не вызывали симпатии, сказывалось постсоветское образование, я еще оканчивала школу, когда даже в отдельных школах не вводили предметы вроде богословия или слова Божьего. Собственно, работая в начальной школе, я вообще с этими предметами не

сталкивалась, а детство в детдоме быстро лишает веры в высшие силы, у меня так она и вовсе не появлялась. Это привело к тому, что плод я сладким не считала, да и не настолько я привязалась к маленькому Наруто, чтобы рвать жилы. В системе ценностей и привязанностей, он болтался где-то рядом с Фугаку или даже дальше него, но отец был гораздо полезнее, я по-прежнему считала его кормильцем семьи. Да и были у меня другие дела, гораздо поинтереснее.

Время шло, постепенно я начала без проблем носиться по всему дому. Усталость, конечно, появлялась из-за этого, но не так быстро, как мне представлялось вначале. Внутри будто был моторчик, который не давал сидеть на попе ровно, как бы не хотелось. Тем более, мою подвижность поощряли, матушка даже начала давать какие-то странные задания и упражнения. По большей части я не понимала для чего они, но послушно выполняла все. Постепенно до меня стало доходить, что ее действия помогали мне развивать координацию и не потерять гибкость с растяжкой или умение задерживать надолго дыхание под водой, которые свойственны только детям. Единственное, что оставалось для меня загадкой, так это попытки научить меня скручивать руки в какие-то мудры* и даримые на каждый праздник (дни, толком от обычных-то и не отличались, если не считать подарков) муляжи оружия ниндзя. В основном кунаи и сюрикены, был даже боккен, но его я не смогла оторвать от земли, ибо он был тренировочным и довольно тяжелым, рассчитанным на подростка, а не полуторогодовалую на тот момент соплю. В остальном все было обычным. Ничего не предвещало проблем.

У меня не было продвинутой интуиции, но сильные проблемы чует большинство людей. Ну, там, к примеру, любимая кружка разобьется, забудешь дома помаду или мобильник, опоздаешь на автобус или прольешь кружку кофе на начальника (ага, желательно горячего), а может еще какую дичь день преподнесёт, как десерт перед по-настоящему ужасными проблемами. Вот у меня ничего такого не было, просто все ходили серьезные-серьезные, раздувшиеся от гордости, а во взглядах на Итачи присутствовала гордость. Брата это явно нервировало, поэтому мою компанию он воспринял с большим энтузиазмом. Я-то от него ничего не требовала, кроме внимания, ластясь, как послушный котенок, чему сама порой поражалась.

В прошлой жизни я не была так тактильна. Да и в этой… кроме брата, я ни к кому не хотела прижиматься. Он был слишком теплый. Только это слово приходило на ум, но оно не передавало того, как мне приятно было рядом, пусть я и осознавала, что это не очень правильно. Нет, пока мы дети — все нормально, а потом? Загадывать не хотелось, но я знала ответ. Брат должен оставаться братом, я могу его любить, но не связывать, становясь гирькой на ногах. Мне оставалось только надеяться, что с возрастом я найду еще таких «теплых» людей, с которыми мне понравится проводить время.

Думать над возможными проблемами не хотелось, я старательно пыталась сохранять внутреннее равновесие и не взвыть от безысходности. Эйфория от того, что меня начали учить говорить и каким-то элементам гимнастики, уже улеглась. Тратить на них множество времени, не получалось, тело уставало, да и родители… их отсутствия вновь стали заметнее, теперь они не перекрывались присутствием брата. Меня стали оставлять на относительно пожилых (в волосах ни единого белого волоска!) женщин. Уже через пару минут моя голова начинала пухнуть от их разговоров, слишком много информации, еще больше слов я не понимала, кое-что не вязалось в голове. Фильтровать информацию не получалось, что-то в их разговорах откровенно напрягало, царапало восприятие, но понять что не получалось. Не накопилось критической массы, как говорил один из учителей в прошлой жизни. Мне оставалось только ждать, когда мозг обработает информацию и выдаст ее, может даже во сне, как у Менделеева с его таблицей.

Впрочем, хрен с ней, с таблицей. Раз не могу вспомнить, значит, не так уж важна информация. Пусть это и спорное утверждение, но бесспорно то, что появление на пороге дома Итачи, меня волнует больше. Я даже забываю свое обещание не носиться по дому, радостно выскакивая из комнаты и прыгая на руки вовремя среагировавшего брата. Ощущение его тепла приятно согревало душу. Итачи тоже нравились, когда я так встречала его. Я уверена.

— С возвращением, ни-сан. Ка-сан сказала, что ужин будет через полчаса, — молниеносно ввожу его в курс дела. Теперь у меня есть целых полчаса, чтобы повисеть на брате! Ну или просто с ним поговорить, ибо до ужина он не станет разбираться со своим домашним заданием. Уже проходили это.

— Саске, хочешь провести это время в саду? — взгляд невольно сосредотачивается на мягко улыбнувшемся Итачи. В последнее время я не видела его таким расслабленным. — Только я переоденусь.

— Случилось что-то хорошее? — невольно наклоняю голову к плечу, для надежности даже пытаюсь отодвинуться, чтобы внимательнее оглядеть парня. Мне не показалось, он, действительно, выглядит гораздо лучше. Будто часть его ноши ушла или он смог разделить ее с другими.

— Я просто познакомился с одним соклановцем. Его имя Шисуи, — ответом мне служит

очередная скупая улыбка, но что-то все же отличается. Говоря чужое имя в этот раз, он улыбается не обезличено-вежливо, для галочки, а искренне. Уж я-то могу заметить разницу.

— Хммм… — хмурюсь. Имя кажется знакомым. Где я его слышала? Да и вообще, что за соклановец? Мы что, члены Клана? Почему при мне ни разу этого не упоминали? Или упоминали, но я ушами прохлопала?

— Не хмурься, — мне в лоб тыкаются два пальца. Не больно, даже не обидно, скорее немного привычно, пусть брат не часто так делал.

— Хорошо, не буду, — временно решаю отбросить ненужные размышления. — Я хочу в сад!

Ответом мне служит веселый смех, который уже слишком давно не звучал в доме. На него даже Микото выглянула, а после с улыбкой вернулась на кухню, явно хихикая над моей прыгающей вокруг брата тушке. Плевать. Мне не так часто удается оказаться на свежем воздухе. За этим следят строго. Прогулки, даже внутри двора, строго под присмотром. Хотя я убей меня, не понимаю, что может на ровной лужайке со мной сделаться? Я даже через высоченный (не меньше трех метров!) забор перелезть не смогу! Да что там! Я не представляю, как на камешки, опоясывающие декоративный прудик с рыбками, суметь залезть, что говорить о большем? Но родители (а Итачи им поддакивал!) были против, мое же мнение пока не учитывалось вовсе. Во второй раз на моей памяти, я захотела вырасти, как можно быстрее.

Продолжение следует…

Примечания:

* - Мудры – это священные жесты руками, которые способны привести к различным состояниям сознания.

http://tl.rulate.ru/book/71427/1913418